

УДК 141

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88

EDN: HZLTSM

Е. В. БОРИСОВ

Институт философии
и права СО РАН,
г. Новосибирск

КАПЛАН И МАРТИ ОБ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕСКРИПЦИЯХ

Различие между референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций, проведенное Доннелланом, породило контроверзу семантического и прагматического объяснения специфики референтного употребления. Одно из семантических объяснений было намечено Капланом и детально разработано Марти. В этой теории определенные дескрипции в референтном употреблении уподобляются собственным именам, как они понимаются в теории прямой референции. В статье показано, что эмпирические данные, на которые опирается теория Каплана–Марти, не обеспечивают ей достаточного основания, и поэтому прагматическое объяснение референтного употребления определенных дескрипций является предпочтительным.

Ключевые слова: определенная дескрипция, референтное употребление определенных дескрипций, собственное имя, теория прямой референции.

Проблема, которой посвящена данная статья, возникает в рамках дистинкции атрибутивного и референтного употребления определенных дескрипций, развернутой Китом Доннелланом в его знаменитой статье 1966 года *Референция и определенные дескрипции* [1]. Согласно Доннеллану, референт определенной дескрипции 'the F' при ее атрибутивном употреблении — это единственный (в контекстуально заданном универсуме) объект, имеющий свойство F, если таковой существует. Таким образом, при атрибутивном употреблении референт определенной дескрипции определяется ее атрибутивным содержанием; в этом Доннеллан согласен с теорией определенных дескрипций Бертрانا Рассела [2]. Специфика референтного употребления определенных дескрипций состоит, согласно Доннеллану, в том, что говорящий использует дескрипцию для референции к объекту, который он идентифицировал независимо от атрибутивного содержания дескрипции и до речевого акта. Поэтому при референтном употреблении дескрипции ее референт может не соответствовать ее атрибутивному содержанию. Например, на вечеринке говорящий мог увидеть человека с бокалом для шампанского в руках, тем самым его визуальное идентифицировав, а затем сказать об этом индивиде 'Парень с шампанским, похоже, счастлив'. В этой реплике определенная дескрипция 'парень

с шампанским' использована для указания на индивида, которого говорящий имеет в виду. Доннеллан акцентирует тот факт, что данный индивид является референтом дескрипции 'парень с шампанским' независимо от того, пьет ли он именно шампанское. Легко вообразить ситуацию, в которой мнение говорящего, что данный индивид пьет шампанское, ошибочно (допустим, у него в бокале — минеральная вода). По Доннеллану, в этом случае индивид оказывается референтом дескрипции несмотря на то, что не соответствует ее атрибутивному содержанию. Итак, при атрибутивном употреблении определенной дескрипции 'the F' ее референт — это объект, соответствующий ее атрибутивному содержанию; при референтном употреблении это объект, который говорящий имеет в виду. Продолжая пример с вечеринкой, допустим, Джон стоит с бокалом для шампанского, в котором налита минеральная вода, а Пол — единственный на вечеринке человек, который пьет шампанское. Если говорящий ошибочно думает, что единственный на вечеринке человек, пьющий шампанское, — это Джон, то, если он употребляет дескрипцию 'парень с шампанским' референтно, ее референтом является Джон, тогда как при ее атрибутивном употреблении (любым говорящим) ее референтом является Пол.

Тот факт, что при атрибутивном и референтном употреблении дескрипции ее референт определяет-

ся по-разному и что два референта могут не совпадать, порождает вопрос: являются ли определенные дескрипции семантически двузначными? Утвердительный ответ на этот вопрос означает, что определенная дескрипция — это омонимичное выражение, которое имеет два значения (атрибутивное и референтное), и этим объясняется наличие двух референтов [3–10]. Отрицательный ответ означает, что при обоих употреблении дескрипция имеет одно и то же значение, а наличие двух референтов объясняется прагматическими факторами [11–13]. При прочих равных условиях второй (отрицательный) ответ предпочтительнее, поскольку он делает семантику естественного языка более экономичной¹.

В данной статье предметом рассмотрения и критики является одна из теорий, согласно которым определенные дескрипции семантически двузначны. Эта теория была намечена Дэвидом Капланом в разделе XXII своего эссе *Демонстративы* [18, р. 558–563] и детально разработана в ряде публикаций Дженововой Марти [19–22]; я буду называть эту теорию теорией Каплана–Марти и обозначать как КМ.

В качестве альтернативы КМ я буду рассматривать теорию, предложенную Солом Крипке [12]. Согласно Крипке, определенные дескрипции семантически однозначны, а многообразие их референтов имеет прагматические причины². На этом основании Крипке различает семантический референт дескрипции и референт говорящего при ее референтном употреблении. Семантический референт определяется ее атрибутивным содержанием в соответствии с теорией Рассела (семантический референт дескрипции ‘the F’ — это единственный индивид со свойством F, если таковой существует). Референт говорящего — это индивид, которого говорящий имеет в виду при референтном употреблении дескрипции, и он определяется прагматическими факторами. Например, объект O может быть референтом говорящего при употреблении дескрипции ‘the F’ в силу следующих причин: (1) говорящий думает, что O является семантическим референтом дескрипции, т.е. думает, что O является единственным обладателем свойства F; (2) говорящий думает, что слушающий разделяет это мнение; (3) говорящий намерен посредством указать на O посредством ‘the F’. В описанном выше сценарии с вечеринкой говорящий референтно использует дескрипцию ‘парень с шампанским’ для указания на Джона, который этой дескрипции не соответствует. По Крипке, это не делает Джона семантическим референтом дескрипции; это значит, что в данном речевом акте Джон является референтом говорящего.

Тезис этой статьи имеет полемический характер: он состоит в том, что КМ не имеет под собой достаточных эмпирических оснований. Это значит, что КМ постулирует семантическую двузначность там, где этого можно избежать, что делает ее менее экономичной, чем теория Крипке. Эти обстоятельства делают теорию Крипке предпочтительной.

Главное положение КМ состоит в том, что при референтном употреблении определенные дескрипции превращаются в собственные имена, как они понимаются в теории прямой референции. Собственное имя в теории прямой референции не имеет атрибутивного содержания, поэтому оно связано со своим референтом прямо, т.е. без опосредования атрибутивным содержанием. В этом теория прямой

референции противоположна семантике Готлоба Фреге, согласно которой имя имеет атрибутивное содержание, и именно оно определяет его референт³. Таким образом, согласно КМ, выражение ‘the F’ при атрибутивном употреблении обозначает объект, соответствующий его атрибутивному содержанию, но при референтном употреблении оказывается выражением, прямо указывающим на объект, который говорящий имеет в виду⁴.

Эмпирической базой КМ является ряд случаев референтного употребления дескрипций, описанных в их работах, а также в ряде работ Доннеллана [25–27]. Один из случаев такого рода является наиболее распространенным в речевой практике и наиболее существенным для обоснования КМ: он будет рассмотрен ниже. В силу его распространенности в речевой практике я буду называть его стандартным случаем⁵. Согласно КМ, стандартный случай референтного употребления определенной дескрипции — это речевой акт, имеющий следующие особенности:

(1) Это акт именованья: говорящий этим актом делает определенную дескрипцию D собственным именем объекта O. При этом, поскольку собственные имена не имеют атрибутивного содержания, атрибутивное содержание D в данном контексте *семантически элиминируется*, т.е. теряет семантическую значимость. В то же время в других контекстах D может использоваться не как собственное имя, а как определенная дескрипция: в этих контекстах ее атрибутивное содержание остается семантически значимым.

(2) D становится *одноразовым* собственным именем, т.е. используется как имя O только в данном речевом акте; говорящий не намерен использовать это выражение как стабильное имя O.

(3) Говорящий использует D для указания на O, потому что считает, что O соответствует атрибутивному содержанию D и что слушатель разделяет это мнение. Это делает атрибутивное содержание D *прагматически релевантным*.

Как видим, в стандартном случае референтного употребления определенных дескрипций в трактовке КМ атрибутивное содержание дескрипции теряет семантическую значимость, но остается прагматически значимым. Марти иллюстрирует этот тезис на примере имени города ‘Дартмут’ (Dartmouth). Грамматически это имя не является определенной дескрипцией, однако оно имеет атрибутивное содержание (выражает предикат ‘находящийся в устье реки Дарт’; аналогичные топонимы в русском языке — ‘Усть-Илим’, ‘Усть-Кокса’ и т.п.), что роднит его с определенными дескрипциями и позволяет использовать в качестве примера. Марти пишет: «Дартмут находится в устье реки Дарт, и этот факт сыграл важную роль в решении дать этому городу это имя. Но если бы русло реки изменилось, называть Дартмут этим именем не стало бы ошибкой. И даже если бы мы обнаружили, что Дартмут никогда не был расположен на реке Дарт, имя ‘Дартмут’ не перестало бы обозначать этот город» [21, р. 47].

Итак, в контрфактической ситуации, которую описывает Марти, в момент именованья люди считали, что Дартмут находится на берегу реки Дарт, и это объясняет выбор данного имени. Таким образом, хотя атрибутивное содержание имени ‘Дартмут’ не имеет семантической значимости, оно является прагматически значимым (это роднит данный случай со стандартным случаем; различие

состоит только в том, что имя 'Дартмут' оказалось стабильным). Впоследствии люди обнаружили, что Дартмут уже не соответствует атрибутивному содержанию своего имени, но продолжили называть его этим именем: это показывает, что атрибутивное содержание данного имени было семантически элиминировано. Для меня в этом примере важно следующее: (1) акт именованья не является подтверждением тезиса об элиминации атрибутивного содержания, поскольку в момент именованья города люди считали, что он соответствует атрибутивному содержанию имени 'Дартмут'; (2) подтверждением тезиса об элиминации атрибутивного содержания является последующее употребление данного имени применительно к данному городу — употребление, сохранившееся после обнаружения того факта, что Дартмут не соответствует атрибутивному содержанию имени 'Дартмут'.

Наличие последующего (следующего за актом именованья) употребления имени является характеристикой стабильных имен. Но что, если имя 'Дартмут' оказалось бы *одноразовым*, т.е. использовалось бы только в акте именованья, без последующего употребления? В этом случае мы не имели бы эмпирического подтверждения для тезиса об элиминации атрибутивного содержания. В самом деле: допустим, что имя 'Дартмут' было использовано только в одном речевом акте — акте именованья. Аtribuтивное содержание этого имени сыграло в этом акте существенную роль: акторы выбрали его, потому что считали, что именуемый город соответствует его атрибутивному содержанию. В этом случае у нас нет оснований считать его атрибутивное содержание семантически нерелевантным, т.е. нет оснований для тезиса об элиминации семантического содержания. Такого рода основания могли бы появиться, если бы мы наблюдали последующее употребление имени, но в случае одноразовых имен последующего употребления не существует. Поскольку у нас нет оснований для тезиса об элиминации, самое естественное объяснение акта именованья в стандартном случае состоит в следующем: имя 'Дартмут' использовано как определенная дескрипция; его атрибутивное содержание в этом акте семантически релевантно, и этим объясняется выбор данного имени акторами. Это лишает эмпирических оснований тезис КМ, согласно которому элиминация атрибутивного содержания имеет место даже в случае одноразовых имен. Но это значит, что тезис о превращении определенной дескрипции (при ее референтном употреблении в стандартном случае) в собственное имя — главный тезис КМ — не имеет достаточного обоснования.

Приведенное возражение против КМ не является его опровержением: тезис о семантической элиминации атрибутивного содержания дескрипции при ее референтном употреблении не приводит к противоречию, поэтому он может рассматриваться как легитимная гипотеза. Однако приведенное возражение показывает, что — при отсутствии дополнительных подтверждений — КМ не имеет никаких преимуществ перед прагматической теорией Крипке, в то же время уступая последней по экономичности. Поэтому на данный момент теория Крипке предпочтительнее.

Примечания

¹ Существуют объяснения референтного употребления определенных дескрипций, не укладывающиеся в описанную

дихотомию [14–17]. Эти теории в данной статье не рассматриваются.

² Здесь и далее под прагматическими причинами подразумеваются факторы, порождающие импликатуры в смысле Пола Грайса [23].

³ В естественных языках референт собственного имени зависит от контекста: имя 'Джон' в разных контекстах отсылает к разным индивидам. Это не противоречит теории прямой референции: контекстуальная зависимость референта совместима с отсутствием у имени какого-либо атрибутивного содержания. Ниже я отвлекаюсь от контекстуальной зависимости референта имени.

⁴ Как было сказано выше, данная трактовка референтного употребления определенных дескрипций намечена Капланом в разделе XXII *Демонстративов*. Каплан не всегда придерживался этой трактовки. В статье *Dthat* [24] он предлагает альтернативную теорию: здесь он уподобляет референтно употребляемые дескрипции не собственным именам, а демонстративным выражениям. Эта теория в данной статье не рассматривается.

⁵ Некоторые нестандартные случаи и их значимость в рамках контроверзы семантического и прагматического объяснения референтного употребления определенных дескрипций будут рассмотрены в одной из следующих публикаций.

Библиографический список

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143.
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, № 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479.
3. Abbott B. Reference. Oxford: Oxford University Press, 2010. 328 p. ISBN 9780199202577.
4. Amaral F. S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, № 4. P. 288–297. DOI: 10.1093/analysis/68.4.288.
5. Devitt M. Donnellan's Distinction // *Midwest Studies in Philosophy*. 1981. Vol. 6, № 1. P. 511–524. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1981.tb00456.x.
6. Ramachandran M. Methodological Reflections on Two Kripkean Strategies // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1995. Vol. 95, № 1. P. 67–82. DOI: 10.1093/aristotelian/95.1.67.
7. Reimer M. Donnellan's Distinction/Kripke's Test // *Analysis*. 1998. Vol. 58, № 2. P. 89–100. DOI: 10.1093/analysis/58.2.89.
8. Reimer M. Descriptively Introduced Names // *Descriptions and Beyond* / Eds. M. Reimer, A. Bezuidenhout. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 613–629.
9. Wettstein H. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies*. 1981. Vol. 40, № 2. P. 241–257. DOI: 10.1007/bf00353794.
10. Wettstein H. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, № 2. P. 187–196. DOI: 10.1007/bf00354099.
11. Bach K. Referential/Attributive // *Synthese*. 1981. Vol. 49, № 2. P. 219–244. DOI: 10.1007/bf01064299.
12. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, № 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x.
13. Neale S. Descriptions. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 302 p. ISBN 0262640317.
14. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, № 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977.
15. Bezuidenhout A. Pragmatics, Semantic Underdetermination and the Referential/Attributive Distinction // *Mind*. 1997. Vol. 106, № 423. P. 375–409. DOI: 10.1093/mind/106.423.375.
16. Mendelsohn R. L. Referential/Attributive: A Scope Interpretation // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 147, № 2. P. 167–191. DOI: 10.1007/s11098-008-9276-3.

17. Recanati F. Referential/Attributive: A Contextualist Proposal // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 56, № 3. P. 217–249. DOI: 10.1007/bf00354363.
18. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
19. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, № 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204.
20. Marti G. The Question of Rigidity in New Theories of Reference // *Nous*. 2003. Vol. 37, № 1. P. 161–179. DOI: 10.1111/1468-0068.00434.
21. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, № 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x.
22. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, № 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1.
23. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p. ISBN 0674852702.
24. Kaplan D. Dthat // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: Pragmatics / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 221–243.
25. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321.
26. Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*. 1970. Vol. 21, № 3/4. P. 335–358. DOI: 10.1007/BF00484804.
27. Donnellan K. Speaker Reference, Descriptions, and Anaphora // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: Pragmatics / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 47–68.

БОРИСОВ Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент (Россия), главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.
 SPIN-код: 6061-9186
 AuthorID (РИНЦ): 278628
 ORCID: 0000-0001-6587-9616
 ResearcherID: T-3807-2017
 AuthorID (SCOPUS): 56287727200
 Адрес для переписки: borisov.evgeny@gmail.com

Для цитирования

Борисов Е. В. Каплан и Марти об определенных дескрипциях // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023 г.
 © Е. В. Борисов

UDC 141
 DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88
 EDN: HZLTCM

E. V. BORISOV

**Institute of Philosophy
 and Law of the Siberian Branch
 of the Russian Academy of Sciences,
 Novosibirsk, Russia**

KAPLAN AND MARTI ON DEFINITE DESCRIPTIONS

Donnellan's distinction between referential and attributive uses of definite descriptions gave rise to controversy between semantic and pragmatic accounts of referentially used descriptions. Kaplan adumbrated and Marti elaborated in detail a semantic account that assimilates referentially used definite descriptions with proper names in the sense of the theory of direct reference. I argue that the evidence Kaplan-Marti theory relies on is inappropriate, and conclude that Kaplan-Marti theory has no advantage over the pragmatic account of referential use in Donnellan's sense.

Keywords: definite description, referential use of definite descriptions, proper name, direct reference theory.

References

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, no. 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143. (In Engl.).
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, no. 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479. (In Engl.).
3. Abbott B. *Reference*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 328 p. ISBN 9780199202577. (In Engl.).
4. Amaral F. S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, no. 4. P. 288–297. DOI: 10.1093/analysis/68.4.288. (In Engl.).
5. Devitt M. Donnellan's Distinction // *Midwest Studies in Philosophy*. 1981. Vol. 6, no. 1. P. 511–524. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1981.tb00456.x. (In Engl.).
6. Ramachandran M. Methodological Reflections on Two Kripkean Strategies // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1995. Vol. 95, no. 1. P. 67–82. DOI: 10.1093/aristotelian/95.1.67. (In Engl.).
7. Reimer M. Donnellan's Distinction/Kripke's Test // *Analysis*. 1998. Vol. 58, no. 2. P. 89–100. DOI: 10.1093/analysis/58.2.89. (In Engl.).
8. Reimer M. Descriptively Introduced Names // *Descriptions and Beyond* / Eds. M. Reimer, A. Bezuidenhout.

- Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 613–629. (In Engl.).
9. Wettstein H. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies*. 1981. Vol. 40, no. 2. P. 241–257. DOI: 10.1007/bf00353794. (In Engl.).
10. Wettstein H. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, no. 2. P. 187–196. DOI: 10.1007/bf00354099. (In Engl.).
11. Bach K. Referential/Attributive // *Synthese*. 1981. Vol. 49, no. 2. P. 219–244. DOI: 10.1007/bf01064299. (In Engl.).
12. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, no. 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x. (In Engl.).
13. Neale S. *Descriptions*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 302 p. ISBN 0262640317. (In Engl.).
14. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, no. 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977. (In Engl.).
15. Bezuidenhout A. Pragmatics, Semantic Underdetermination and the Referential/Attributive Distinction // *Mind*. 1997. Vol. 106, no. 423. P. 375–409. DOI: 10.1093/mind/106.423.375. (In Engl.).
16. Mendelsohn R. L. Referential/Attributive: A Scope Interpretation // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 147, no. 2. P. 167–191. DOI: 10.1007/s11098-008-9276-3. (In Engl.).
17. Recanati F. Referential/Attributive: A Contextualist Proposal // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 56, no. 3. P. 217–249. DOI: 10.1007/bf00354363. (In Engl.).
18. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Eds.: J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563. (In Engl.).
19. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, no. 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204. (In Engl.).
20. Marti G. The Question of Rigidity in New Theories of Reference // *Nous*. 2003. Vol. 37, no. 1. P. 161–179. DOI: 10.1111/1468-0068.00434. (In Engl.).
21. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, no. 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x. (In Engl.).
22. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, no. 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1. (In Engl.).
23. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p. ISBN 0674852702. (In Engl.).
24. Kaplan D. Dthat // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: *Pragmatics* / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 221–243. (In Engl.).
25. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, no. 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321. (In Engl.).
26. Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*. 1970. Vol. 21, no. 3/4. P. 335–358. DOI: 10.1007/BF00484804. (In Engl.).
27. Donnellan K. Speaker Reference, Descriptions, and Anaphora // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: *Pragmatics* / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 47–68. (In Engl.).

BORISOV Evgeny Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
 SPIN-code: 6061-9186
 AuthorID (RSCI): 278628
 ORCID: 0000-0001-6587-9616
 ResearcherID: T-3807-2017
 AuthorID (SCOPUS): 56287727200
 Correspondence address: borisov.evgeny@gmail.com

For citations

Borisov E. V. Kaplan and Marti on definite descriptions // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88.

Received October 17, 2023.

© E. V. Borisov